

Чжуан Фэй торопливо кивнул и, стараясь быть предельно осторожным, помог Чжуан Цинхуну добраться до внутренней комнаты. Уложив его на кровать, он достал чистую одежду, чтобы переодеть господина. Когда под рваными обрывками ткани открылось искалеченное тело, Чжуан Фэй невольно вздрогнул и едва сдержал вскрик. Он не хотел будить Чжуан Цинхуна, погруженного в тяжелое забытие, но сердце его сжималось от боли и ярости. Однако, помня строгий наказ господина — ничего не спрашивать и никому не говорить, — он подавил рвущиеся наружу слова. Руки Чжуан Фэя мелко дрожали, пока он облачал господина в нижнее белье.

— Господин, ложитесь, пожалуйста. Я сейчас очищу ваши раны, — прошептал он.

Голос его звучал привычно покорно и заботливо, если не обращать внимания на едва уловимую дрожь и глубокую тревогу, сквозившую в каждом слове.

Чжуан Цинхун внезапно перехватил его руку. Его кожа пылала жаром. Он впился в Чжуан Фэя тяжелым, пронзительным взглядом — глаза его были настолько темными, словно в них таился какой-то дикий зверь. Грозный вид господина напугал Чжуан Фэя, но Чжуан Цинхун, казалось, не замечал этого. Он лишь тихо произнес:

— Чжуан Фэй, кроме тебя, никто не должен об этом знать!

Чжуан Фэй поспешно кивнул. Он не успел отдернуть руку, которую господин сжимал до боли, как глаза Чжуан Цинхуна, подобные черному обсидиану, закрылись, и он провалился в беспамятство.

Чжуан Фэй осторожно уложил обмякшее тело господина на живот, бережно накрыл его одеялом, а затем, подобрав окровавленные обрывки одежды с пола, скатал их в тугой ком. Спрятав сверток под своей толстой зимней курткой, он тайком унес его в свою комнату и сжег.

Вернувшись, он вскипятил воды и принялся обрабатывать раны. Кровь намертво присохла к бедрам и пояснице, слипшись с тканью штанов. При малейшем движении Чжуан Цинхун, даже находясь без сознания, тихо стонал от боли. Чжуан Фэй, обливаясь потом, закончил перевязку; одежда самого господина тоже насквозь пропиталась холодным потом.

Вода в тазу быстро окрасилась в багровый цвет. Когда она остыла, Чжуан Фэй вылил ее в вазу с цветами — он решил, что позже сам вымоет сосуд и избавится от следов крови. Раз господин велел никому не знать, он обязан сделать все, чтобы не осталось ни единой зацепки.

Снова нагрев воды, он аккуратно обтер тело Чжуан Цинхуна. Прикоснувшись к его лбу, он понял, что начался жар. Нахмурившись, Чжуан Фэй вернулся в свою комнату и нашел остатки лекарства от простуды, что остались с прошлого раза. Сейчас нельзя было звать лекаря, оставалось надеяться лишь на это средство.

Хлопоча без передышки, он наконец напоил господина отваром, а затем, сделав невозмутимое

лицо, отправился в кабинет Чжуан Цинхуна. Взяв там Книгу песен, он вернулся в комнату господина и, сев в дальней части, принялся тихо читать вслух.

Читая, он размышлял. Чжуан Цинхун ушел вчера вечером, как и раньше, вероятно, ради сбора доказательств. Чжуан Фэй притворился спящим, ведь случалось, что господин возвращался в павильон Чанфэн лишь на следующий день. Он всегда действовал безупречно, поэтому Чжуан Фэй не особо волновался... Но в этот раз он вернулся израненным. Что же с ним произошло?

Судя по ранам — багровым, отекившим, кровоточащим ягодицам и поврежденным ногам — это было похоже на наказание палками. Если он действительно попал в беду, как смог ускользнуть, будучи так тяжело ранен? Куда он ходил ночью, с кем встречался, знал ли тот человек, кто он такой? И еще...

На сердце у Чжуан Фэя стало тяжело. Как бы он ни ломал голову, он не мог сложить кусочки пазла воедино. Он знал слишком мало, чтобы делать выводы или предпринять хоть что-то для их защиты. Сейчас оставалось лишь следовать указаниям Чжуан Цинхуна.

Он молился лишь о том, чтобы лекарство помогло господину сбить жар и прийти в себя.

В полдень принесли еду. Слуга, увидев Чжуан Фэя за книгой, принялся с завистью и лестью расхваливать его усердие. Чжуан Фэй ответил парой вежливых фраз, а затем, якобы зайдя во внутреннюю комнату спросить распоряжений, объявил, что господин неважно себя чувствует и не хочет есть. Заказав блюда на вечер, он проводил слугу.

Вечернюю еду он заказал специально, чтобы было проще имитировать, будто господин поел, а остатки можно было либо оставить для него, либо, если тот не очнется, утилизировать самому.

На второй день к полудню, прежде чем у остальных возникли подозрения, Чжуан Цинхун очнулся. Он был крайне слаб, а его душевное состояние вызывало опасения: он часто смотрел на Чжуан Фэя странным, отсутствующим взглядом. Заметив это, Чжуан Фэй встревожился еще сильнее, теряясь в догадках о событиях того дня.

Наконец миновал праздник фонарей. На третий день после ранения Чжуан Цинхун, когда Чжуан Фэй менял ему повязки, произнес:

— Чжуан Фэй, уходи.

Рука Чжуан Фэя с бинтом замерла. Он инстинктивно взглянул на господина, пытаясь понять, серьезно ли тот говорит. Чжуан Цинхун не смотрел на него, прошептав:

— Покинь павильон Чанфэн, уезжай из Обители забвения. Разве не об этом ты всегда мечтал?

Собравшись с духом, Чжуан Фэй продолжил перевязку:

— Чжуан Фэй не покинет господина.

— Почему? — Чжуан Цинхун прикрыл глаза. Он был очень слаб, и хотя Чжуан Фэй ухаживал за ним как мог, лекарства были посредственными, и восстановление шло медленно. Голос его звучал безжизненно.

Все эти снадобья Чжуан Фэй покупал через знакомого мальчишку-цветочника, простодушного парня, который, увидев оцарапанную руку Чжуан Фэя, поверил в его историю и принес лекарства.

Чжуан Фэй не ответил. Завязав узел на бинте и укрыв господина одеялом, он поднял взгляд и спросил:

— А почему господин хочет прогнать Чжуан Фэя?

Чжуан Цинхун усмехнулся, его голос прозвучал холодно:

— Все просто. Ты ведь сам догадываешься: я лишился покровителя, и в павильоне Чанфэн мне не поздоровится. — Вспомнив прощальный взгляд Ци Цина, он вздохнул. — Возможно, будет очень тяжело. Я больше не могу тебя защитить, и твое пребывание здесь бессмысленно.

Чжуан Фэй помолчал, затем покачал головой:

— Господину нужно отдыхать. Чжуан Фэй удаляется. — Помедлив, он добавил: — Если я стану обузой, я уйду сам. А пока...

По крайней мере, Чжуан Цинхун не потерял веру в себя и уже обдумывал план действий.

Чжуан Фэй осторожно вышел из комнаты. Не успел он закрыть дверь, как на него обрушилась пощечина. Звонкий удар отозвался в ушах, щеку обожгло болью, а в глазах поплыли круги.

— Ах ты, Чжуан Фэй, никчемный раб! Убирайся вон! — Хун Ли была в ярости. Она пнула дверь, и та распахнулась. Следом за ней вошла Цинэр, вид у них был воинственный. Чжуан Фэй поспешно последовал за ними в комнату — было ясно, что они пришли за Чжуан Цинхуном.

Сердце Чжуан Фэя сжалось. Матушка Хун Ли всегда относилась к господину с уважением, а теперь такие оскорбления — добром это не кончится.

В таких местах, как это, все были флюгерами, умели чувствовать ветер и выгоду, не решаясь открыто рвать отношения. Если Хун Ли решилась на такой шаг, значит, что-то случилось с Ци Цзином.

Это казалось невероятным, но было наиболее вероятным.

Хун Ли быстро вошла во внутреннюю комнату, Чжуан Фэй — следом. Он уже хотел пасть на колени и молить о снисхождении, но тихий смех Чжуан Цинхуна заставил его остановиться.

— Матушка Хун Ли, что вызвало такой гнев? — Чжуан Цинхун был далек от своего обычного холодного величия, выглядел даже несколько жалко, но в его тоне слышалось нечто, возвышающее его над остальными.

В нем чувствовалась бесстрашная решимость.

Чжуан Цинхун смотрел на Хун Ли. Отношение Ци Цзина было ясно, очевидно, он уже дал добро, и теперь Хун Ли пришла показать, кто здесь хозяин. Что ж, максимум — жизнь станет труднее, но разве ему привыкать? До того как его встретил Ци Цзин, он умел стоять на ногах. Теперь, лишившись этой опоры, он не боялся.

В конце концов, это просто начало с нуля.

Хун Ли холодно усмехнулась и достала лист бумаги:

— Чжуан Цинхун? Господин Учэнь? Я и не знала, что ты задумал такую игру. Что, решил перешагнуть через меня, Хун Ли, и забыть об уговоре? Думаешь, мной так легко воспользоваться?

Чжуан Фэй украдкой взглянул на бумагу — там стоял красный отпечаток пальца. Договор? Или контракт о продаже?

Как только Хун Ли показала бумагу, Чжуан Цинхун побледнел. Ци Цзин! Он переоценил этого мужчину и недооценил его жажду мести. Внутри он горько усмехнулся: Чжуан Фэй, теперь я не только не могу защитить тебя, я даже себя не в состоянии спасти!

Сжав кулаки, Чжуан Цинхун подавил отчаяние и гнев, заставив лицо стать бесстрастным. Не зря он вырос в императорской семье — хладнокровие, граничащее с жестокостью. Ему стало еще хуже, но разум прояснился. Даже если это была проверка, он сам виноват в сокрытии правды, а Ци Цзин был крайне подозрителен. Чжуан Цинхун понимал это, но чувствовал, как сильно ударил сам себя по лицу — неужели между ними не было даже крупицы дружбы?

Ставка сделана, и теперь, каков бы ни был итог, придется его принять.

Хотя, если поразмыслить, Ци Цзин не стал бы так мелочиться ради такого ничтожного человека, как он. Вид Хун Ли явно свидетельствовал о том, что ее гнев был подогрет намеренно. Мысли Чжуан Цинхуна метались, он чувствовал, что ситуация куда запутаннее, чем кажется.

Но времени на раздумья не было.

Хун Ли не дала ему сказать ни слова. Убрав бумагу, она усмехнулась:

— Цинэр, Чжуан Цинхун уличен в краже ценностей. Доказательства налицо.

Цинэр тут же отозвалась:

— Так и есть. Господин Учэнь разочаровал нас. Даже нефритовую руи, которую так любила матушка Хун Ли, прибрал к рукам... Позорное поведение.

Чжуан Фэй вытаращил глаза. Подстава! Чистой воды клевета! Сколько людей из-за подобных методов... Чжуан Фэй безмолвно опустился на колени, прижавшись лбом к полу, не смея издать ни звука.

Чжуан Цинхун вдруг рассмеялся. Как похоже на то время в семье Чжуан. Только тогда еще требовались хоть какие-то улики, а здесь — даже имитации не нужно. Бросив быстрый взгляд на Чжуан Фэя, который покорно опустился на колени, Чжуан Цинхун вздохнул с облегчением: Чжуан Фэй действительно умен.

Что бы ни случилось, нужно спасти Чжуан Фэя.

Если он начнет умолять, это лишь покажет, на чьей он стороне. Хун Ли в павильоне Чанфэн была законом. Если не подчиниться, пострадает и Чжуан Фэй. Чжуан Цинхун посмотрел на Хун Ли:

— Чего вы от меня хотите, матушка?

— Хм, не хочу, а требую, — ответила Хун Ли. — Сделаешь ты это или нет — неважно, результат один. Через три дня выйдешь к гостям. Думаю, Цинхун как нельзя лучше подходит для этого.

Выйти к гостям! Чжуан Цинхун вздрогнул. Ци Цзин! Ты действительно решил уничтожить меня до конца!

— Я знаю, что ты ранен, — Хун Ли улыбнулась, но слова, слетевшие с ее красных губ, леденили душу. — Так даже лучше, мне не придется беспокоиться, что ты сбежишь. Не волнуйся, я помогу тебе продаться за хорошую цену. Это ведь не нарушает нашего изначального соглашения, верно?

Хун Ли рассмеялась:

— Мы договаривались, что я прослаблю твое имя и обеспечу безбедную жизнь, а ты станешь хуакуй моего павильона Инъюэ Чанфэн и принесешь мне славу. Раз ты не хотел становиться хуакуй, надо было сказать раньше, я бы не стала так носиться с тобой, готовя место главного артиста! Теперь же мы оба получим желаемое, разве нет?

Чжуан Фэй все понял. Чжуан Цинхун побледнел. Он не ожидал, что тот человек поступит так жестоко, растоптав его последнее достоинство. Мало того, что он сам его унизил, он заставил весь мир смотреть на это.

Хотя он был готов к худшему, от осознания реальности в голове словно ударил гром. Пути назад не было.

В глазах Чжуан Цинхуна гас свет, сменяясь отчаянием. Выход к гостям означал, что он навсегда лишится возможности достичь своей мечты.

Когда его лишили имущества и отправили в Обитель забвения, он сразу заметил, как Хун Ли заглядывается на его внешность. Позже, увидев шествие хуакуй, он все обдумал и заключил сделку: он станет лицом павильона, а через три года — хуакуй, чтобы зарабатывать для Хун Ли деньги. Он был выходцем из знатной семьи, обладал манерами и талантом, поэтому Хун Ли, хоть и не доверяла ему поначалу, согласилась на устный договор, когда он предложил выступить под именем господина Учэня.

Он никогда не собирался быть хуакуй и опускаться до такого.

Он планировал за три года, пользуясь привилегиями и связями, собрать доказательства, чтобы очистить свое имя, а затем исчезнуть.

Теперь, когда Хун Ли узнала о его планах, она была в ярости. Все рухнуло. Контракт у нее в руках, а его намерения стали известны благодаря Ци Цзину...

Чжуан Фэй стоял на коленях, наблюдая за происходящим.

Зимний ветер, казалось, проникал сквозь стены, заставляя его колени ныть от боли. От старых ран тело ломило, а в голове стоял гул.

Чжуан Цинхун лежал на кровати, невидящим взором уставившись в окно.

В глазах Хун Ли не осталось и следа прежней благосклонности, лишь холод коммерсанта и жестокость.

— Чжуан Цинхун, на этом закончим. Ты знаешь мои методы, не пытайся играть со мной, иначе... — Хун Ли прищурилась, в ее глазах мелькнула жажда крови.

Чжуан Цинхун выглядел сломленным. В его ледяных глазах отчаяние, гнев и обида сменились мертвой тишиной. Он открыл рот, но от слабости голос звучал едва слышно. И тут раздался голос Чжуан Фэя, от которого у Чжуан Цинхуна перехватило дыхание:

— Матушка Хун Ли, Чжуан Фэй готов выйти к гостям вместо господина. Умоляю, пощадите его, он тяжело ранен и не сможет восстановиться за три дня. — Чжуан Фэй поклонился до земли. Его тело дрожало, но он изо всех сил старался казаться спокойным.

Хун Ли с презрением взглянула на него. Цинэр сделала шаг вперед, будто хотела что-то сказать, но смолчала.

Лицо Чжуан Фэя с багровым отпечатком пощечины выглядело нелепо. Хун Ли холодно произнесла:

— Что ты из себя представляешь? Разве сравнишься с Цинхуном? Его имя гремит в Обители забвения, он принесет мне тысячи золотых. — Она знала, что без Чжуан Фэя, который скрывал ранения господина, она бы все узнала гораздо раньше. Если бы не подарки от князя, она бы и не догадалась о планах Чжуан Цинхуна.

Хун Ли была в ярости, она ударила Чжуан Фэя со всей силы, но убивать его не хотела — его преданность была ценна, она подумывала обучить его.

— Чжуан Фэй готов выйти к гостям вместо господина, — повторил он. На этот раз голос был ровным, без дрожи. Он снова поклонился — в этом движении было что-то неопишное.

Сначала левая рука, описав плавную дугу, коснулась пола, рукав мягко расстелился, затем правая — пальцы соединились, и он склонился, коснувшись лбом рук. Весь его облик напоминал раскрывающийся цветок лотоса. Каждое движение было изящным, совершенным, даже лучше, чем у самых подготовленных кандидатов в хуакуй. В этом было нечто завораживающее, от чего невозможно было оторвать взгляд.

Хун Ли перестала смотреть на него с пренебрежением:

— Подними голову.

Чжуан Фэй не шелохнулся. Чжуан Цинхун же, казалось, ожил. Его охватил гнев, он перестал выглядеть как сломленный человек, его глаза покраснели от ярости. Несмотря на боль, он смахнул подушку с кровати и закричал:

— Чжуан Фэй, ты смеешь! Заткнись! Заткнись сейчас же!

Подушка с глухим стуком упала рядом с Чжуан Фэем.

Чжуан Фэй не обратил на нее внимания, не поднял головы, а твердо произнес:

— Матушка Хун Ли, прошу, отойдите на пару слов...

Хун Ли поняла его.

Бросив взгляд на Цинэр, она дождалась кивка. Цинэр осталась присматривать за Чжуан Цинхуном, а Хун Ли увела Чжуан Фэя прочь.

Цинэр подняла подушку и положила на место, глядя на сжавшего кулаки Чжуан Цинхуна. Она вздохнула: неужели знатные господа так хороши? Князь Цзинь, так осыпавший милостями господина Учэня, стал тем, кто столкнул его в бездну. Если бы он хоть немного проявил сочувствие, Хун Ли не тронула бы его. Но он выставил все напоказ, показав беспомощность и предательство Чжуан Цинхуна... Как жестоко.

По сравнению с ним, Чжуан Фэй был куда человечнее.

— Господин Учэнь, поберегите силы, — Цинэр села на табурет у кровати. — Вашу судьбу выкупил Чжуан Фэй, не растопчите его старания. Ваш обман не пройдет бесследно, прежней комфортной жизни больше не будет... Жаль Чжуан Фэя, но это его выбор. Он очень предан.

Чжуан Цинхун ощутил во рту привкус крови, но не замечал этого. Чжуан Фэй! Чжуан Фэй! Почему ты не слушаешь меня? Почему?!

С его внешностью, если он так себя подаст, пути назад не будет.

Чжуан Цинхун лежал на кровати, его глаза пылали ненавистью — к себе, к Ци Цзину!

<http://bllate.org/book/21679/2236330>